

Было знойное лето. Все жители Санкт-Петербурга уезжали из шумного города - кто в гости, кто за границу. Я решила поехать к бабушке в маленький городок...

К бабушке мы приезжали редко. Все эти городские заботы волновали нас больше, чем родной человек. Постучав в дверь старой квартиры, я услышала четкие шаги, а затем крикливый голос: „Ридор Иванович, это вы? Письма несете?“ Послышались два одинаковых уделька в замочной скважине, и дверь распахнулась. Бабушка посмотрела на меня удивленным взглядом и быстро провела в дом.

Весь день она, обрадованная моим приездом, рассказывала как грустные, так и смешные истории. Наступил вечер, и мы решили попить чаю.

Достали сервизные чашки, пирожки и конфеты. Бабушка как будто готовилась к тому дню, когда приеду я, мама, папа и все ее близкие люди. Она села напротив меня, и, пока я пила чай, смотрела куда-то отстраненно. А я смотрела на бабушку. Было очень странно наблюдать за ее задумчивым лицом. На нем уже не было ни тени улыбки. Серьезное лицо, грустный взгляд - ей что-то очень сильно волновало. Бабушка посмотрела на меня и, тихо вздохнув, начала говорить: „Люсь, ты только не плачь и не расстраивайся, выслушай меня“.

„... Ленинград, 1943 год, зима, мороз. Ладони ладони тонкие, холодные, как льдинки, руки. Последние два года она не носила рукавицу. На их морозе ее руки настолько сильно замерзали, что покрывались тонкими трещинами, красновато-желтыми пятнами и волдырями. Ее не беспокоило состояние ее рук, она никогда не жаловалась, не говорила об этой проблеме. После работы, заходя домой, мама в старом ковше заваривала ромашку горячей водой и опускала туда руки. Я часто обнимала ладони мамы, брала ее тонкие кисти рук и прижимала к себе. Мама нежно улыбалась, мадела мои волосы.

Ее можно было сравнить строптинкой, тонкой и нежно сгорбленной.

В то время наш город был окружен фашистскими войсками. Тогда то его стали называть „Блокадный Ленинград“. Наступил жуткий голод. Люди как будто бы попали в ловушку, жестокую и унесшую сотни тысяч людей.

На улицах Ленинграда не осталось ни одной собаки или кошки, люди ели котаные ремни, папиетки. Они знали единственный продукт - хлеб.

Пекари использовали мушную пыль, итукатурку с поташков, собирали остатки муки, которые сыпались на пол. Рабочие изменяли состав хлеба, добавляли обойную пыль, березовые почки, и сосновую кору.

Мама редко брала меня с собой, когда выходила из дома. На улицах Ленинграда мой детский мир рушился. Я видела людей, которые падали без сил, без обуви, все околенившие от мороза. Никто из прохожих не подходил к ним, а просто шел мимо, не замечая мертвых тел. Мама была очень сильной женщиной и никогда не выдавала свою слабость.

Проходя мимо людей, которые лежали в сурьобах, она сматывала платок и ускоряла шаг, таща меня за собой...

Мама ходила в одну и ту же булочную, в которой работала тетя Мэня Сибирцева. Тетя Мэня была женщиной с ярко выраженными скулами, худыми, забранными в косынку волосами и очень тяжелой судьбой. У нее было двое маленькиа детишек. Они все время болели, и в последний год совсем не вставали с постели. Тетя Мэня редко спала: всю ночь она

сидела рядом с кроватками своих детей, сторожила их жизни. Когда она работала, за малышами присматривала бабушка Евдокия. Евдокия была той старушкой, которая совсем не боялась за свою жизнь и хотела поскорей уйти на тот свет. Она любила детей Сибирцевых, душевно ухаживала за ними, давала им лекарства и иногда читала книги.

Казалось, что она жила только ради этих детей. Она отдавала им свой хлеб, чтобы они могли жить.

Подходя к блоковой, можно было увидеть таблички с надписью:

» Норма выдачи хлеба на декабрь. Рабочие и ИМТ - 250 гр; Служащие - 125 гр; Инженеры - 125 гр, Дети - 125 гр.» Такие объявления выданы во всех булочных Ленинграда. Мама показывала тете Мэне талончик не забирала хлеб. Навсегда мне запомнятся те 125 граммов. Талончики получали раз в месяц по паспорту. Если человек терял его, то больше талончик не выдавали. Люди очень часто воровали их. Несмотря на все тяготы, люди не жаловались, были настоящими патриотами и могли постоять за свой город... Иногда в Ленинград приезжали машины с продуктами, а обратно забирали детей и стариков.

Тетя Мэня и её дети уехали из города. - это был единственный шанс выжить. В тот день весь дом провожал прощаюсь с ними. Тетя Мэня со слезами на глазах выходила из подъезда, а её детей выносили на руках, потому что у них не было сил, чтобы идти. Старушка Евдокия уехала вместе с ними. Думаю, она навсегда осталась с этой семьёй. Люди были рады за семью Сибирцевых. У детей появилась надежда выжить. Тетя Мэня обняла мою маму и меня и собралась ехать. Я до сих пор не знаю, где они, что с ними.

После того как уехала тетя Мэня, мы ещё два месяца прожили в городе. Я хорошо помню, как мама сообщила отцу, что мы уходим из Ленинграда. Через неделю после этого известия мы собрались ехать. Вещей никаких не брали. Мама просто надела на меня шапку-ушанку, тяжёлый тулуп, обмотала голову и шею большими шарфом. Я вышла в подъезд, мама спокойно закрыла дверь квартиры, и мы спустились вниз. Нам провожало не так много людей.

Когда я сидел в машине, то впервые заметила в глазах мамы жуткий страх. Ехать по «дороге жизни» было очень опасно. Мама знала, что многие машины не доезжали до ближайших населённых пунктов.

Если мы достаточно спокойно когда проехали Ладогу, в глазах мамы я увидела облегчение, она крепко обняла меня», - рассказывала.

бабушка она глубоко выдохнула и улыбнулась.

„После этого мы с мамой жили хорошо. ходили по магазинам, жились от дистрофии. Время пролетало совсем незаметно. Если бы мы не уехали из Ленинграда, не могу представить, что бы тогда с нами было. Ведь люди пережили все эти 871 дня. Мы еще долго не могли опомниться, что теперь этого ужаса не стало, не стало холода“.

„Люсенька, уже прошло 75 лет с тех пор“, - сказала бабушка, смотря на меня. - Сходи на Невский проспект, дом 14. Там на стене будет надпись: „Трамдана! При артиллерии эта сторона улицы наиболее опасна“, - оставь там хотя бы пару гвоздик - мы жили недалеко оттуда“.

У бабушки я пробыла еще две недели. Все мои мысли были заняты только этими рассказами.

После возвращения в город мы с мамой купили алью гвоздики и поместили к мемориальной табличке на Невском. Там были германские ленты и другие живые цветы, оставленные не нами, хотя день был совсем не праздничный и до девятого мая тоже было далеко.

Надпись „Трамдана! При артиллерии эта сторона улицы наиболее опасна“, - казалось, была пропитана чувством страха пострадавших людей, уважением и гордостью тех, кто выжил и продолжает помнить